

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

Алла из тех королев, от которых исходит сияние. Его невозможно не заметить и, однажды увидев, забыть. Не случайно режиссеры всегда отдавали ей роли женщин голубых кровей.

Их обручила сцена, а сводником стал Георгий Александрович Товстоногов — в прямом и переносном смысле слова. Он назначил их на роль любящей пары в мюзикле "Вестсайдская история". Предводитель банды пуэрториканцев Бернардо не сводил жадных глаз с красавицы Аниты. Молодые актеры репетировали с утра до ночи. Тогда имена Аллы Балтер и Эммануила Виторгана впервые прозвучали вместе, да так и слились в одном аккорде на всю жизнь. Тогда начался их роман.

Я видела их вдвоем на вечеринках. Любовь нельзя сыграть или изобразить, но и спрятать нельзя, ее видно за версту. На семейных фотографиях он — чаще всего — у ее ног.

Сегодня, 23 августа, день рождения Аллочки. Второй раз он встречает этот день без нее. В июле прошлого года Алла Балтер умерла от рака.

— Правда, что однажды вы подарили жене алые паруса?

— Правда. Года два-три тому назад, в августе, мы отдыхали целой группой в Варне: Валера Гаркалин, Давид Смелянский, много хороших ребят. И, купаясь в море, я вдруг увидел далеко-далеко яхту с какими-то необычными парусами. Я не очень хорошо вижу в последние годы, но мне показалось, что они — алого цвета. Я смотался в порт, в местный яхт-клуб. Оказалось, действительно есть такая яхта. Договорился с ними на 23 августа, день рождения Аллочки, и никому ничего не сказал. Накануне купил море игрушечных дудочек, барабанов. Нанял кабриолет для нашего ближайшего друга Давида Смелянского, который подвернул ногу, играя в теннис. Всех остальных погрузил на маленький детский поезд, курсирующий до порта. Никто не подозревал, куда мы едем, но дружно под дудки с барабанами отправились в путь. Подняли на уши всю Варну. Привел я их на пристань, а там стоит яхта с самыми настоящими алыми парусами. Все были потрясены. Мы вышли в море, но уже часа через полтора пришлось возвращаться, потому что началась качка и всех укачало к чертовой матери. Никто не мог ни пить, ни есть, хотя столы были накрыты. Мы вернулись на берег и уже там догуляли.

— Вы можете вспомнить свои впечатления от первой встречи с Аллой Давыдовной?

— Это было в Ленинграде, я работал в Театре драмы и комедии, а Аллочка — в Театре имени Ленинского комсомола. Мы виделись в Доме актера на капутниках, и вокруг нее всегда толпились много людей. Она была очень эффектной молодой девушкой: замечательно сложена, потрясающе красива. В ней сочеталось все — и голос, и пластика. Но мы даже не были знакомы. Она — замужем, я — женат. А потом меня пригласили в Театр Ленинского комсомола сыграть Левинсона в фадеевском "Разгроме".

— У вас ведь был непростой роман? Коллеги смотрели косо?

— Сначала, наверное, смотрели, но мы не замечали, мы видели только друг друга. Очевидно, кто-то осуждал, это абсолютно нормально. Но в результате приняли все. Тяжелым наш роман можно назвать только в одном смысле: Аллочка была уже разведена, а я еще нет. И она очень переживала, что может разбить семью. Да и мне это не обходилось легко. Я понимал, что причиняю огромную боль своей семье, тем более что там оставался маленький ребенок. Но чувство оказалось сильнее меня... Так что есть у меня в жизни грех.

— Позже вы общались с предыдущей семьей, с дочкой?

— Когда я сказал, что ухожу, моя бывшая супруга, конечно же, была сильно оскорблена, обижена и запретила мне общаться с ребенком. Я ее, разумеется, ни в чем не могу обвинить, но это стало одной из причин, по которой мы вообще уехали из Питера. Бывшая жена попросила, чтобы я уехал, потому что Кошуа, моя дочь, часто видела меня по телевизору. Тогда ей было четыре года. Я долгие годы пытался восстановить с ней отношения, но никак не получается, к огромному сожалению. Вроде что-то начинается, а потом опять исчезает.

— Несколько лет назад вы сказали: "Может быть, мне еще придется расплатиться за этот грех".

— Да. Я так думал и продолжаю думать. Наверное, подобные вещи наказуемы. Но я совсем не жалею о том, что произошло. Те годы, которые я провел с Аллочкой, показали, что мы были правы, сделал такой выбор. Мы прожили вместе тридцать лет. Как раз в год ухода Аллочки у нас сплошные юбилеи шли.

— Довольно необычное явление: даже в 60 лет все продолжали звать ее Аллочкой. Мне стоило больших усилий узнать ее отчество.

— Она была удивительно дружелюбным человеком, замечательной партнершей своими коллегам. Умела слушать режиссеров, иногда я даже говорил ей: "Ну что ты, как пионерка, со всем соглашаешься". Она была намного мудрее и умнее меня. Я более прямолинеен, поэтому обычно сразу высказываю то, что думаю. Аллочка всегда пыталась снивелировать это. А если в компании я шутил, она иногда первой начинала смеяться, давая остальным понять, что прозвучала шутка. Очень уж я шутил иногда серьезно.

— Еще один феномен — Алла Балтер обладала роскошной внешностью, но почти не снималась в кино. Почему?

— Для меня это тоже неразрешимая загадка. На мой взгляд, советский кинематограф без нее кое-что потерял. Актрис с такой западной внешностью в Союзе можно было пересчитать по пальцам — Ира Мирошниченко, Рита Терехова. И очень странно, что Аллочку так мало звали в кино. Я даже одно время сам хотел спросить у режиссеров: почему? Но мы с ней никогда не задавали подобных вопросов, не стремились за свой счет устраивать работу другому.

— А как же история с вашим переходом в "Маяковку"?

— Там все произошло иначе. Гончаров сначала позвал меня. Мы поговорили, я сказал, что есть еще и жена-актриса, мы привыкли всегда работать вместе. Не для ее устройства говорил, просто он расспрашивал, какая у меня семья. Гончаров сразу: "О-о! Нет, не могу. Мне уже мои семейные пары надоели". Спустя какое-то время из Театра Маяковского ушла Татьяна Васильевна Дорониная, освободилось несколько шикарных женских ролей: "Кошка на раскаленной крыше", "Виват, королева, виват!". Начались поиски замены, и пригласили Аллочку. Когда Гончарову сказали, что у нее еще и муж-артист, он опять схватился за голову: "Кто? Виторган? Как Виторган? Давайте и его сюда".

— Расскажите про вашу свадьбу.

— Ну, во-первых, мы долго не расписывались, как-то даже и не думали. Года через четыре только поженились. Нашими свидетелями стали Наташа Варлей и Вася Бочкарев. На свадьбе присутствовали человек пять. Максимум у нас уже родился, так что по бумажкам я его как бы усыновил. Но все бумажки не имели никакого значения.

— Бывший муж Аллы Давыдовны не появлялся больше в вашей жизни?

— Появлялся. Он ее очень любил. Футболист, вратарь, и, как говорили, очень хороший вратарь. Но наш роман с Аллочкой начался, когда они уже развелись. Мне казалось, Аллочка — и замужем за футболистом — сочетание довольно странное, хотя интересное. Самое удивительное, его тоже звали Эммануил.

— В нее многие мужчины влюблялись?

— Да, конечно. И мне всегда нравилось, когда на нее смотрят так — с желанием. Когда журналисты задавали нам вопросы о ревности, я говорил: пожалуй, я не ревнив. А Аллочка всегда отвечала, что она ревнива. Но должен сказать, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не давала мне повода для ревности. Я, наверное, давал. А она — нет. Так что мне легче было.

КОРОЛЕВА АЛЛА

Ленинградский "Ленком", Миледи в "Трех мушкетерах". Такого Эммануил увидел Аллочку.

Эммануил Виторган:

“Я старался, чтобы она не мочила руки”

Сын Максим знал — место у маминых ног всегда занято.

— Вы замечали, как она следила за собой? Присущий ей шик рождался на ваших глазах?

— У нас, к сожалению, никогда не замечалось больших денег, даже при том колоссальном количестве фильмов, где я снимался. Поэтому ее гардероб был очень ограничен. Но она так ловко умела сочетать одежду, что даже я, вроде зная все ее запасы, иногда удивлялся: "Ого, когда это ты успела купить?" А она просто надела старые вещи в разных комбинациях, и получался новый костюм. Она действительно всегда очень хорошо выглядела и умела себя подерживать в форме, хотя никогда не занималась регулярными занятиями и не посещала ежедневно салоны красоты. Я не знаю, как у нее это получалось.

— Нормально. Рядом наши друзья, да и вообще люди. Я не ожидал такой реакции на ее уход со стороны журналистов и всей страны. Я получил такое количество соболезнований, звонков, телеграмм. Особенно поддержали друзья, они меня и сейчас стараются не оставлять. Это же не наша дача, ее друзья уговорили снять. И я им очень благодарен. Я не сижу дома, много хожу на так называемые тусовки. Кстати, мы с Аллочкой любили это дело, и, разумеется, не из-за жратвы. Всегда хочется общения, встреч с людьми, которых давно не видел, новых интересных знакомств.

— Я вижу, вы, с вашими легкими, курите одну за другой. Жена не запрещала?

— Не только мне запрещала, но и всем остальным рядом со мной. Я шестнадцать лет запаха табачного дыма почти не чувствовал. И не хотелось, что самое главное. Хотя в "Горбуне" я на сцене курил, но никакой тяги потом не испытывал. А сейчас вот потянуло, не могу отказаться. Дошел до своей прежней нормы — полторы пачки в день.

— Вы можете представить рядом с собой другую женщину?

— Да, могу. Более того — она есть. Зовут ее Ирина, она директор театрального агентства. Но, как бы объяснить... Это совсем иная жизнь. Она не хуже, не лучше, просто другая. Сравнивать нельзя. И я совсем не испытываю при этом чувства какого-то предательства по отношению к Аллочке. Может, я такой деревянный, но я действительно его не испытываю. Я знаю, как относится ко мне мой близкий человек. И сам к ней отношусь замечательно. Я благодарен, мне ведь практически помогли выжить за минувший год. Хотя тут не только чувство благодарности, у нас очень искренние, душевные отношения, в них сердце принимает участие, но к Аллочке они не имеют отношения. Я сейчас будто на другой планете живу.

— Прошел год — в это время принято ставить памятник на могиле.

— Я очень часто бываю на кладбище. Уверен, что Ее нельзя оставить одну надолго. Я был очень признателен правительству Москвы, которое позволило похоронить именно на Ваганьковском, как минимум потому, что это рядом с домом. Но я не ожидал, что туда водят экскурсии, хотя знал, конечно, что кладбище мемориальное. Поэтому остаться одному с Аллочкой очень сложно, вокруг все время люди, туристы. Тем более что на аллее они лежат подряд — Жень Дворжецкий, Гриша Горин, Толя Ромашин. Как уходили, так и лежат рядышком. Естественно, интерес зрителей большой, и народу бывает очень много. Хотя я не могу для себя объяснить, зачем нужно приходить на экскурсию на кладбище.

— У вас нет ощущения, что там словно продолжение сцен? Раз зрители приходят?

— Возможно, черт его знает. А что касается памятника, я давно попросил своих друзей-художников нарисовать эскизы. Камень будет из Карелии, мне с ним тоже помогают. Но еще не решил окончательно, как все должно выглядеть в архитектурном плане. Каждый раз у меня новые фантазии. Конечно, ничего монументального не нужно. Мне представляется вот что: у ангела два крыла, одно осталось, а другое упало. Думаю, я попрошу Максима, чтобы второе крыло тоже положили вниз, когда уйду я.

— Вы чувствуете ее присутствие в своей жизни?

— Очень сильно. Она мне до сих пор помогает. Вот ведь, какая у нас жуткая профессия: когда мне надо в спектакле добиться очень сильного эмоционального всплеска, я вспоминаю ее — и все, я готов. Снится ли мне Аллочка? Нет, крайне редко. А дома все осталось по-прежнему, и ее одежда в том числе.

— Чем вы сейчас заняты, есть ли интересная работа?

— Я отснялся в "Маросейке, 12", говорят, что последняя серия. Только что прожил две недели в Риге. Телеканал "Культура" снимает там художественный фильм: рабочее название "Дама", современный детектив, четыре серии. В финале у меня монолог на шестнадцать страниц — такого я в жизни не встречал! Только ради него уже стоило сниматься. Минимум полчаса монолог идет. На его

Рядом с внучкой Полиной Алла сама становилась совсем юной. Младшего внука Даниила она так ни разу и не увидела.

съемку мы потратили сутки, и к концу я был совершенно изможден, но монолог замечательный.

— А про театр почему молчите?

— Я приглашен в бывший мой Театр имени Станиславского на главную роль в спектакле "Слухи". В антрепризе Дома актера было сыграно "Преступление и наказание" в постановке Бориса Мильграма, где у меня роль Свидригайлова. А в "Маяковке" дела посложнее. Леонид Ефимович Хейфец начал репетировать "Короля Лира" и предложил мне роль — хорошую, большую. Но я отказался. И не потому, что он не предложил мне роль Лира. Просто мне кажется, что у меня осталось очень немного времени, чтобы сделать что-то крупное, за что я нес бы полную ответственность. Вторые роли я уже поиграл, мне нужно сыграть роль первую — не по метражу, а по значимости. Думаю, это право я заработал. Но такого предложения в моем театре пока нет.

— И вы намерены сидеть и ждать?

— Иногда, крайне редко, я беру на себя наглость заняться другой профессией — режиссурой. На свой юбилей я поставил спектакль по американской пьесе "Шаман с Бродвея". Я сделал его антрепризным, но в этом сезоне перевожу в репертуар Театра Маяковского, попробуем играть его в филиале на Сретенке. Я ведь не входил в филиал театра со дня своей болезни, шестнадцать лет. Помещение там полуподвальное, сырое. И нам с Аллочкой показалось, что с моими легкими я заболел именно там, играя спектакль "Игра теней". Не поверите, с тех пор, даже проезжая мимо, я начинаю задыхаться. Всегда отказывался заходить туда, а вот сейчас хочу попробовать. Но есть у меня и еще одна идея.

— Тоже режиссерская?

— Да. Вы не замечали странную вещь: наступает период, и вдруг театры начинают ставить одну и ту же пьесу. Появляются три "Гамлеты" или три "Чайки". Слово в воздухе что-то носится. Мою идею дала мне еще Аллочка, но я довольно сдержанно к ней относился. А когда я зашелся, то узнал, что в БДТ уже идет, во МХАТе уже репетируют. Речь идет об "Антигоне" — римейку Жана Ануя по Софоклу. Правда, я решил совместить его вариант с оригиналом. Что самое поразительное, оказалось, что на сегодняшний день Софокл звучит современней, чем Жан Ануи. Не знаю, удастся ли мне завершить работу в этом сезоне. В театре много новых постановок, вникнуться в репетиционный график непросто. Но мне надо торопиться...

— Как вы встретите 23 августа?

— Я считаю, память должна быть очень светлой. Когда собираются в памятные дни лет через пять-шесть и начинают рекой лить слезы, меня это жутко раздражает. Я всегда говорю друзьям в подобных случаях: когда я сдохну, чтоб, не дай бог, вы себя так вели. Так что 23-го мы, конечно, соберемся и сядем за стол.

Ката ПРЯНИК.
Фото из личного архива.